

Мария Фомальгаут

ПОСЛЕЖДЬ

Мария Фомальгаут

Послеждь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39489053

ISBN 9785449392961

Аннотация

Усталый город ночной пленен
Прохладой ночной опять,
И на Луне одинокий сон
Под вечер ложится спать.
Большие плоды постелет он
На желтую на Луну,
И ровно в полночь приходит сон,
Который приснится сну...

Содержание

...Который приснился сну	5
Многочит	7
...которой нет	9
Идти, лететь и падать	12
В ожидании героя	14
Прогноз	16
Куинси	17
Ночлег для ночи	27
Не забыть	45
Мертвый напарник	52
Заметки психолога	57
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Послеждь

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Владимировна Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Владимировна Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-9296-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Который приснился сну

Усталый город ночной пленен
Прохладой ночной опять,
И на Луне одинокий сон
Под вечер ложится спать.

Большие пледы постелет он
На желтую на Луну,
И ровно в полночь приходит сон,
Который приснится сну:

Он сну покажет хрустальный грот,
К нему приведет тропа...
Ну а потом, устав от забот,
Тот сон устроится спать.

На тьму полуночи ляжет он,
Укутавшись в тишину,
И ровно в полночь приходит сон,
Который приснится сну,
Который приснится сну:

Он сну расскажет о городах,
Что падают в полночь лет,
Ну а потом, забыв о делах,

Устроится на ночлег:

На чьи-то мысли ложится он,
Устало веки сомкнув,
И ровно в полночь приходит сон,
Который приснится сну,
Который приснится сну,
Который приснится сну...

Многокниг

Пробует сладкую небыль
С невидимой горечью
Где-то вдали
В звездной пыли
Видит миры.
Он поднимается в небо
Над пасмурным городом —
Он многолик,
Он многокниг,
Он многокрыл.

К вечеру встанет,
Умоется дивными сказками,
В звездной пыли
Видит огни,
Видит обрыв:
Людям уставшим
Свои небылицы рассказывает
Он многолик,
Он многокниг,
Он многокрыл.

Бьются в тревожной груди
Переплеты проворные,

Жалобный крик:
Мы не одни!
Я их открыл!
Но остается один
С засыпающим городом
Он многолик,
Он многокниг,
Он многокрыл.

Но вечерами он встанет
Опять над столицами
Трепетный блик
Снова не сник,
Ищет миры,
Снова шуршит неустанно
Седыми страницами
Он многолик,
Он многокниг,
Он многокрыл.

...которой нет

...мы облюбовали себе последнюю комнату в последнем доме последнего города: я и Бетти. Последнюю комнату последнего дома последнего города империи, которой никогда не было, и нет. У Бетти были проблемы с жилищем, ведь она была пришлой, – зато я был старожилом, мог выбрать любую комнату. Вообще я был одним из первых, я помнил те времена, когда мы верили, что наша империя существует, и очень гордились этим. Помнил я и те времена, когда кто-то услышал о нашей империи и изумленно воскликнул, что это ошибка, что никакой империи не было, и нет. Какая империя, вы о чем, что вы нам какие-то документы суете, это ошибка в документах, опечатка, это не название страны, это название корабля, и читать следует не – прибыли купцы из империи, а – прибыли купцы на кораблях. Выдумали себе тоже, империю. Помнил я и наше замешательство, когда мы поняли, что нас всех не существует, что мы – только случайная ошибка в истории.

Впрочем, мы и не особо переживали, недаром нашим главным девизом было – никогда не сдаваться. Мы тщательно придумали историю нашей империи, мы сделали в начале нашей истории маленькие деревушки, потом, лет через пятьдесят – первый город с университетом и картинной галереей. Многим народам и государствам не понравилось, что мы

объявили себя настоящей империей, пару раз нас даже пытались завоевать и разрушить – впрочем, таким вот захватчикам мы давали вполне реальный отпор. Так наша история ознаменовалась двумя войнами, несколькими сражениями и победами, мы даже поставили обелиск там, где разбили чужеземную силу. Позаботились мы и о торжественном закате нашей империи, в самых последних датах сделали руины некогда великих городов, оскаленные в небо колонны, обломки изваяний, осколки чаш, величественные надгробия. Здесь-то, в одном из последних домов я обустроился с Бетти... да, несколько слов о Бетти.

Бетти попала к нам одной из первых, когда мы стали собирать со всего мира людей, которых никогда не существовало, которые были ошибкой, опечаткой в документе, легендой, случайным слухом, мимолетной оговоркой. Так у нас появились многие, которых не принимали настоящие времена и народы, так у нас появилась Бетти.

Сегодня Бетти была взволнована – точнее сказать, она была взволновала уже много дней подряд. Еще бы: ведь по империи поползли недобрые слухи, что Бетти настоящая. Я хотел было сказать, что это бред – но тут же спохватился, что невозможно доказать настоящесть или ненастоящесть. Я обнял Бетти, чтобы утешить её – она казалась настолько живой, настолько реальной, из плоти и крови, что мне стало страшно за Бетти, а вдруг она и правда живая, тогда ей не место в нашем государстве. Я хотел спросить у Бетти вот так, на-

чистоту, кто она и откуда – но понял, что не могу спросить в этот вечер, когда мы были так близки...

Идти, лететь и падать

...снег считал себя выше нас всех вместе взятых – просто по той одной причине, что он мог одновременно идти, падать и лететь: согласитесь, не каждый может похвастаться такими способностями. Я иногда возражал ему, что я тоже могу идти, моросить, лить, накрапывать, – на что снег только смеялся мне в лицо пушистыми хлопьями. По мнению снега мои умения моросить и накрапывать ничего не стоили, ведь это не человеческие свойства, а вот идти, летать и падать – очень даже человеческие. На мое возражение, что люди не летают, снег приводил в пример самолеты.

Иногда снег доходил до того, что надевал белую шубу и шапку и расхаживал по улицам. Пару раз я пытался перещеголять его, ходил по улицам в прозрачном плаще – но до снега мне было далеко. Другие не разделяли моего соперничества со снегом, град и туман вообще посмеивались надо мной.

Снег важничал еще и потому, что, по его мнению, он живет на большей территории, не только на Земле, но и на множестве планет. Я тоже пытался привести в пример несколько планет, но снег только смеялся надо мной, напоминая, что там идет дождь не из воды. Я парировал, что почему это дождь из воды не считается дождем, но сне не желал со мной спорить, ощеривался метелью.

Так было до того момента, когда закончилась осень, наступила зима, а снег не пришел. Не появился он и на следующую зиму. И на следующую. Град, туман и остальные говорили мне, чтобы я не переживал, подумаешь, нет снега – но я твердо решил разобраться, что значит – конец ледникового периода, что значит – парниковый эффект...

В ожидании героя

...мы повесили табличку с названием города у околицы, там, где эта табличка была никому не нужна – на тот случай, если герой появится здесь, чтобы он сразу мог прочесть, что находится в нашем городке. Мы даже следили, чтобы не зарастала тропинка, ведущая к городу. То же самое мы сделали еще на двух пустырях, повесили таблички с названиями.

Каждый день мы отправляли на пустырь по одному из людей, которых мы называли не от мира сего – они должны были встретить героя, если он придет. Некоторые из нас были не согласны, они считали, что напротив, нужно послать на пустырь кого-нибудь веселого и общительного, кто будет надежным другом герою. Кто-то говорил, что мы даже не знаем, кто может прийти, мужчина или женщина, поэтому лучше послать на пустырь женщину, ведь пришедшая девушка может испугаться незнакомого парня.

Иногда мы думали, что герой может просто появиться на городской площади, и даже хотели повесить там название города – но вовремя спохватились, что герой и так может обратиться к любому прохожему и спросить.

Мы звали его герой.

Мы не знали, как его будут звать.

Однажды мы забеспокоились, что герой может упасть с неба – и натянули сетки между домами. Было же в какой-то

книжке, что герой упал с неба.

Мы предупредили всех продавцов и хозяев тракторов, чтобы не гнали героя, а дали ему поесть, и рассказали о нашем мире. Раз в год мы устраивали День Героя, когда кто-нибудь переодевался героем, ходил по городу и спрашивал, что тут да как.

Чтобы приманить в наш город героя, мы называли нашего правителя тираном, потому что герой придет повергнуть тирана. Мы даже приносили жертвы раз в год, чтобы наш тиран был настоящим тираном – но и это не помогло. Мы сделали темницу, куда собирались бросить героя, когда он придет и начнет бороться с несправедливостью. Мы даже сделали в темнице подкоп, чтобы герой мог сбежать.

Но годы шли, а на пустыре так никто и не появлялся, напрасно мы ждали, когда придет герой и скажет, что мы живем неправильно, что где-то за бескрайней метелью есть большой мир, где не падает вечный снег, где все по-другому и все хорошо. Ничего не происходило, все оставалось как прежде, город окружала бесконечная снежная пелена...

Прогноз

Ближе к полудню наше время подойдет ко времени, в котором кипит война – будьте осторожны, агрессия и страх могут перекинуться на вас. Расслабиться можно будет только в районе двух часов дня – когда наше время приблизится к мертвой эпохе, исполненной безмолвия. Но не расслабляйтесь слишком сильно, держите ухо востро: ближе к четырем часам пополудни время приблизится к реальности, которая славится своими гениальными умами – можете перенять от них какие-нибудь умные мысли, если повезет.

Прогноз на ближайшую неделю, к сожалению, невозможен: миры переплетаются слишком непредсказуемо.

Отдельно сообщаем Эйвину: ближе к вечеру миры разойдутся довольно далеко, вы перестанете слышать Китти. Но не беспокойтесь, это ненадолго: ближе к ночи времена снова соприкоснутся, настолько тесно, что вы сможете ощутить запах своей возлюбленной и прикосновение её руки...

Куинси

– Куинси... – сдавленно шепчет поверженный враг, – Куинси...

Мне кажется, я ослышался. Какой Куинси, почему Куинси, не должно быть никакого Куинси, а вот – Куинси.

Переспрашиваю:

– Что?

– Ку... Куин... Куинси... Часы... в виде луны... найди... его... на...

Враг не договаривает, запрокидывает голову, давится кровавой пеной. Трясу убитого, уже понимаю – мертв, мертв, ничего я из него не вытяну, какой Куинси, почему Куинси, не должно было быть никакого Куинси. И вообще, почему он меня не убил, он должен был застрелить меня, а я его, и все кончится. Ничего не кончилось, я ждал, что он выстрелит, а он опустил кольт, и только повторял:

– Куинси... ты должен найти Куинси...

А потом я спустил крючок, и он упал с простреленным горлом, еще хрипел, еще фыркал, еще повторял —

– Куинси... Куинси...

Не понимаю. Этого не было. Этого просто не должно было быть.

Вечереет. Отчаянно думаю, что мне делать дальше, куда идти, а куда я могу идти, ведь я уже должен быть мертв.

Враг тускнеет, меркнет, я вижу сквозь него клеточки паркета. Тело исчезает, медленно, неотвратно, что происходит, черт возьми, что происходит. Протягиваю руку так, чтобы она вошла в тело врага, – рука входит удивительно легко, к моим пальцам прилипают какие-то жилки, чувствую горячую кровь на своей коже, отдергиваю руку, че-р-р-р-т.

Враг исчезает. Сумерки заполняют комнату, на улице вспыхивает одинокий фонарь. Хочется задернуть шторы, как я делал всегда, задергивал шторы в гостиной, только сейчас я должен лежать мертвый, а не заниматься шторами. Левая гардина вздрагивает, вижу себя, который закрывает шторы, подбрасывает в камин пару поленьев.

Не понимаю.

Вижу себя.

Вижу.

Себя.

Входит Эдис, что она здесь делает, не должно быть никакой Эдис, она же в Таймбурге. Воровато оглядывается, поправляет складки платья, видит меня – не меня меня, а того меня, стоящего у окна, обнимает, целует, резко, порывисто, шепчет что-то, ты должен уехать, я отвечаю, что никуда без неё не уеду, ничего, ничего, мы все уладим...

Смотрю, не верю, не понимаю, это не должно быть, это должно было случиться вчера вечером, но никак не сегодня вечером. Мельком оглядываю часы с календарем, они показывают вчерашний день, почему, почему...

Делаю шаг в их сторону, сам не знаю, зачем, сам не знаю, что хочу сказать. Я обнимаю Эдис, смотрю на себя самого, отрешенно, недоуменно, делаю какой-то недовольный жест, мол, уйди, уйди, не до тебя, видишь, я тут с Эдис.

Шаги на лестнице вспугивают парочку, двое убегают в соседнюю анфиладу. Входит дворецкий, оторопело смотрит на меня, видимо, хочет спросить, какого черта я тут делаю, ведь я должен убежать, испугнутый его шагами. Не успеваю ответить – часы бьют половину двенадцатого (половину полуночи, как сказала бы Эдис), дворецкий тает в пустоте. На диване появляются очертания лежащей фигуры, завернутой в плед, смотрю на лицо спящего, понимаю, что не знаю этого лица. Вспоминаю, что спустя двадцать лет в этой гостиной должен задремать наш с Эдис сын, который родится уже после того, как меня убили. Он заснет, зачитавшись книгой, из которой выпадет письмо, написанное мной и так и не отправленное Эдис, а наутро...

...так и есть, вот оно, утро, светает, тлеют угли в камине, меркнет фонарь, мой сын сонно потягивается, поднимает книгу, смотрю, до чего же он похож на меня, а нос вздернутый, как у Эдис...

Спохватываюсь, что он может меня увидеть, он не должен меня увидеть, ведь я уже двадцать лет как мертв. Бесшумно устремляюсь на лестницу и дальше, в сад, подернутый рассветлым инеем. Вижу себя и Эдис, нашу первую встречу, вижу врага, вот он, следит за нами из-за розовых кустов, на ко-

торых еще сохранились бутоны, высохшие и почерневшие от осени...

Враг оборачивается.

Смотрит на меня.

Я называю его враг, для меня как будто не существует его обычного имени.

Враг прижимает палец к губам, крадется ко мне, на всякий случай снова вынимаю кольт – враг капитулирующе поднимает руки, тут же жестом фокусника вынимает из потайного кармана ключ с головкой в виде знака Меркурия, ключ, за которым я гонялся полжизни. Враг протягивает мне ключ, мне не верится, что он так просто отдает его, тут какой-то подвох...

Беру ключ, все-таки беру ключ, тут же спрашиваю то, что терзает меня уже давно:

– Куинси...

Жабья рожа врага расплывается в улыбке:

– Так ты тоже знаешь?

– Ты сказал мне...

– А-а, отлично... Ну давай... про Куинси поговорим...

Враг повел меня в дом, в дальнюю комнату, в которой никогда ничего не происходило, и в которой никогда никого не было. Он растопил огонь в камине и устроился на уютном диванчике – мне ничего не оставалось кроме как присоединиться к нему.

– Куинси... это режиссер такой, – начал враг.

– А что он...

– Да много что снял... Самое главное, вы мне вот что скажите, он про нас снимал?

– Слушайте... не знаю я...

– Тоже не знаете? Плохо, плохо...

Вспыхиваю:

– Да откуда я вообще могу знать, кто про нас что снимал?

– А плохо, что не знаете... вот так вот живем, не думаем, а тут нате вам...

...он не договаривает, запрокидывает голову, складывается в какую-то немыслимую дугу, бросаюсь к нему, что случилось, отравился, или как, нет, тут другое что-то, весь мир закручивается в бешеную спираль, давится сам собой, умирает.

В этой реальности у меня длинные волосы, никак не могу привыкнуть. А Эдис смуглая, вот это я режиссеру вообще никогда не прощу, что он сделал Эдис смуглой.

– А мы где-то встречались? – спрашивает Эдис.

– Не знаю... может, в прошлой жизни.

Говорю, как положено, сам краем глаза смотрю за плечо Эдис, где за пожухшими розовыми кустами прячется враг. Переглядываемся с врагом, он подмигивает мне, зачем-то снова показывает ключ, хотя даром мне этот ключ теперь не нужен.

Этот мир еще не рухнет на части. Еще нет. Но скоро.

Я это чувствую, я уже научился чувствовать, когда реальность доживает свои последние дни, когда к очередному нашему фильму подбирается что-то... что-то... что разорвет его на части.

Айзек.

Маскелайн.

Валентайн.

Хью Чонг.

Еще раз прокручиваю в памяти список режиссеров, бравшихся за наши судьбы. Одиннадцать режиссеров. Одиннадцать фильмов. Сейчас осталось три, всего три, стараюсь не думать, что будет дальше, когда все три фильма разрушатся в прах.

Прощаюсь с Эдит, как положено по сценарию, дорогу мне тут же перегораживает враг, жабые лицо расплывается в недоброй улыбке:

– Разрешите... на два слова...

Эдит вздрагивает, Эдит не понимает, как, почему, зачем, этого не должно случиться сейчас, это должно быть через три месяца, когда мы застрелим друг друга.

Враг снова подмигивает, все понимаю. Мягко отстраняю Эдит, бормочу что-то, что все в порядке, иду за врагом.

– Куинси, – повторяет мой враг, – Куинси.

Киваю:

– Да, ты говорил, это режиссер...

– Мы должны его найти.

– Но... – мне кажется, я ослышался, – ты сам подумай, он там, а мы здесь, – «там» и «здесь» говорю с особым выражением.

– Да нет... найти фильм, который он снимал, понимаешь? Если он вообще про нас снимал...

– Зачем... найти?

– Да как ты не понимаешь... а, ну да, ты же не знаешь ничего... Ты хоть представляешь, как люди фильмы снимают?

– Ну... на камеру...

– Это все понятно, камера, мотор, начали... а вот ты представь, ну вот у нас сначала ты едешь в экипаже, потом в саду с Эдис встретился, потом в гостиной... вот как снимали?

– Ну... камера...

– Да погоди ты со своей камерой, ты хоть понимаешь, что нормальный режиссер сначала все в гостиной отснимет, потом в спальне, потом в дороге, потом в саду...

– Ну да, – хочу сказать, что это очевидно, тут же спохватываюсь, понимаю, – так вот почему все перемешалось в фильмах... фильм хочет вернуться в свое изначальное состояние...

– Вот-вот, фильм разрывается между тем, каким он был, и тем, каким он стал... и рушится, – жабье лицо врага снова расплывается в улыбке.

– А Куинси что?

– А Куинси, он... – враг прищелкивает пальцами, подби-

рает слова, – у него свой взгляд на искусство, так скажем... дилетант... Вот как в фильме все от и до идет, вот он так все и снимает...

– Значит... если он снимал наш фильм...

Не договариваю, не успеваю, – наш фильм снова разваливается на куски, бросаюсь в комнату Эдис, комнаты уже нет, Эдис тоже нет, не успел, не успел...

...перескакиваем в предпоследний фильм, – поздно, поздно, он уже рушится, раскалывается на мириады кусочков, разорванный сам собой. Ищу Эдис, теперь я её не упущу, ни за что, вырываю её из объятий самого себя, прыгаю в последний фильм...

...оглядываюсь.

– Ты... ты чего?

Наконец, понимаю, что сижу в экипаже, который направляется к поместью, отец оторопело смотрит на меня, кажется, я кричал.

– Э-э-э... померещилось что-то.

Он поверит мне. Померещилось. И правда, в нашем фильме очень может померещиться что-то такое, жуткое, потустороннее, промелькнувшее в лесах.

Сжимается сердце. Выходим из экипажа, я вижу Эдис, я должен говорить с Эдис, это займет время, много времени, некогда, некогда, а надо говорить, а потом наконец-наконец можно будет пойти в дом, посмотреть над камином...

Краем глаза вижу врага, он стоит за пожухшими розовы-

ми кустами, он делает мне знаки, он показывает на гостиную, чертит руками в воздухе знак луны, а потом постукивает по запястью, имея в виду часы.

Понимаю.

Часы в виде луны.

Куинси.

На душе теплеет, обнимаю Эдис, плевать, что мы еще не знакомы, плевать, что вижу её первый раз, целую в губы, сейчас влепит затрещину, а то и выстрелит, знаю я Эдис, пистолет на поясе в складках платья...

Эдис впивается в меня губами, крепко, сильно, обнимает, шепчет что-то, миленький, миленький, понимаю – узнала, узнала, хоть мы с ней и не знакомы еще...

Оторопело смотрю на врага.

Не понимаю. Не понимаю, почему он здесь, его не должно быть, просто, не должно, я жду Эдис, Эдис, ночью в гостиной, почему пришел враг...

– Она не придет.

Вздрагиваю, сжимаю кулаки, хочется ударить врага, что он сделал с моей Эдит, что...

– Она не придет. Посмотри... это... она тебе написала...

Хочу возмутиться, а какого черта он читает письма, адресованные мне. Не возмущаюсь, не успеваю, смотрю на письмо, пытаюсь понять, что я, собственно, прочитал.

– Как ушла? – спрашиваю в пустоту, – куда ушла?

– Здесь написано...

Не понимаю, как такое может быть, что она там потеряла, что она пошла искать, что...

Повторяю, как во сне:

– То, что меняет фильмы... то, что меняет фильмы...

Думаю, где искать это, что меняет фильмы. Думаю, куда идти, чтобы искать Эдит, которая пошла искать то, что меняет фильмы. Смотрю на врага – он еще ничего не сказал, но понимаю, он пойдет со мной...

Ночлег для ночи

Нет.

Говорю сам себе:

Нет.

Отступаю от края, перевожу дух, растираю виски, прихожу в себя. Спрашиваю себя, что я только что хотел сделать и почему.

А вот.

Книга.

«Часоворот».

Все так же лежит на столике, кажется, смотрит на меня.

Зачем ты хочешь убить меня, спрашиваю книгу.

Книга молчит.

Почему ты хочешь, чтобы я умер, спрашиваю я.

Книга не отвечает. Удивляюсь сам себе, ну конечно, как мне может ответить книга, ведь она не может говорить. Вернее, она уже мне все сказала. Все-все, от корки до корки. Сам себе удивляюсь, как она так сказала, у меня же и в мыслях не было шагнуть в пропасть – до того, как я перелистнул последнюю страницу.

Осторожно открываю книгу, осторожно прочитываю несколько строк. Беспомощно сжимаются кулаки, сам себе удивляюсь, как несколько строк могут пробудить у меня такую ненависть к себе, к своей жизни, что я едва не сделал

шаг в пропасть.

Разжигаю камин посильнее, листаю страницы...

...замираю.

Сам над собой смеюсь, это же сколько экземпляров книги мне придется истребить.

Смотрю на автора. То есть, на фамилию автора, на автора я уже не посмотрю, его уже нет в живых. Как-то же он написал это, как-то же дошел до такого, но как, как...

О чем я думаю, спрашиваю я себя, о чем я вообще думаю, надо решать, как выбираться отсюда, а я читаю книгу, которая чуть меня не убила, и ищу её автора.

Автора, автора... Отчаянно вспоминаю, где я взял эту книжицу, ну, конечно же здесь, в разделе фантастики, куда же я еще пойду в библиотеке. Ищу знакомую фамилию, натываюсь еще на пару его книг, листаю, погружаюсь в чтение...

Часы бьют полночь.

Что-то подсказывает мне, что именно полночь, а не полдень, хотя как я могу знать, здесь нет окон. Только бесконечные стеллажи книг.

...меня отрывает от чтения бой часов: они опять бьют полночь. Я не вижу часы, они спрятались в бесконечном лабиринте книг, я иду на гулкие удары, сворачиваю в одну залу, в другую, в третью – но я не вижу часов. Хочу вернуться назад – но не могу найти комнату, в которой был только что, хотя точно помню, что свернул налево, а до этого прошел

один коридор. Коридора нет, мраморный зал, который был слева от меня, теперь оказался справа.

Я ошибся, говорю я себе, я просто ошибся. И точно знаю, что это не так.

Захожу в ближайшую комнату, открываю буфет – на мое счастье здесь в каждой комнате есть буфеты, можно перекусить, можно подремать на диване, укрывшись пледом.

На всякий случай кричу во все горло, зову людей, которых здесь нет – что-то подсказывает мне, что я здесь один.

Книги. Ну да, книги. Я оставил их там, в том зале – все, кроме первой, которая чуть не убила меня. Сам не знаю, почему держу её при себе, почему, почему...

Выбраться отсюда.

Нет, не то.

Разобраться, кто и зачем написал эту книгу.

Тоже не то.

Тогда что.

Спать, спать, вот прямо сейчас, лечь и спать, уже достаточно случилось за день...

...выхожу из туалета, долго мою руки, долго умываюсь, чтобы оттянуть то неизбежное, что последует за этим: нет, впереди еще будет завтрак, вон, в буфете какая-то причудливая еда, сыры какие-то, кексы, мясо – не мясо, не пойми что, а в кофейнике что-то вкусное, но черт побери, это не кофе.

Итак, будет завтрак.

А потом нужно будет что-то решать.

Часы бьют полночь. Часы сломались.

Вспоминаю. Как-то же я попал сюда, как-то же я вошел в библиотеку. Вот так, шел по улице, и...

...и нет.

Я не помню, как я шел по улице. И как я куда-то заходил.

Книга лежит на столике, как будто ждет меня. Книга, которая хотела меня убить. Хочу открыть, тут же гоню от себя эту мысль. Верчу в руках, смотрю на обложку, что-то настаивает меня, год издания, год...

Опечатка, говорю я себе. Ну, конечно же, опечатка, не три тысячи двадцатый, а две тысячи двадцатый год. Вспоминаю про автора книги, про которого я так ничего и не узнал, ищу биографию, с чего я взял, что здесь будет какая-то биография, в начале книги, или в конце книги, или...

...вот.

...родился в 2990 году...

Опечатка, говорю я себе, опечатка. Иду к полкам, наугад беру книги, одну, другую, третью, читаю год издания, думаю, кто сошел с ума, я или весь мир.

Опечатки, говорю я себе. Просто. Потому что. Опечатки.

Пытаюсь собраться с мыслями, не могу, мысли разбегаются, я вспоминаю, что хотел выбраться отсюда. Часы начинают бить полночь не к месту и не ко времени, зачем-то зажимаю уши руками.

Выхожу в коридор, вспоминаю какие-то правила левой ру-

ки, идти, касаясь левой рукой стены, и найдешь выход. Открываю все двери по пути, комната, комната, комната, здесь щупать стены не надо, ну не может же здесь быть потайной двери, в самом-то деле.

Стоп.

Что-то меня настораживает, что-то мне не нравится, что-то... а вот. Открываю дверь, за ней вторую, вот они, совсем рядом, но почему, черт возьми, почему я открываю левую дверь, и вижу за ней комнату, где справа вереница стеллажей, я открываю правую дверь и вижу такую же вереницу стеллажей слева...

Снимаю с полки в правой комнате первую попавшуюся книгу, или нет, это я в левой комнате снимаю книгу, или...

Черт...

Чувствую, что начинаю сходить с ума. Выскакиваю прочь из комнаты (из комнат?), бегу дальше по коридору в зал, хоть с этим залом, вроде, все в порядке...

Перевожу дух. Похоже, здесь не только книга хочет убить меня, хотя, с чего я взял, что эти комнаты хотели меня убить...

Листаю книгу, так, родился в 2990 году, опечатка, черт возьми, опечатка, в Нью-Лондоне, где это, под светом двух лун, опечатка, или метафора какая-то. С раннего детства его увлекали страшные сказки, которые рассказывала тетушка, где самые страшные события непременно выпадали на двойное полнолуние, и под светом Страх и Ужаса силы зла вы-

ходили на охоту...

Фобос и Деймос, думаю я, Фобос и Деймос.

...огромное влияние на его творчество оказали книги...

Читаю названия, ищу хоть одно знакомое, не нахожу. Почему я хочу найти эти книги, надо вообще искать выход, а я ищу книги. По алфавиту, по годам, по жанрам, по...

Читаю. Что-то мне нравится, что-то не очень, понимаю, что здесь работы непочатый край, читать и читать. Думаю, чего я хочу больше, выбраться отсюда или остаться здесь – на месяц, на два, на вечность, ходить из залы в залу, читать, перечитывать...

Остаюсь, говорю я себе, остаюсь, пропади оно все пропадом. Устраиваюсь на диване, книга в моих руках растворяется, больно обжигает ладони, чер-р-р-рт...

Мне становится не по себе, я начинаю понимать, что с этим местом что-то очень и очень не так. Осторожно встаю с дивана, готовый в любой момент дать деру, правда, не знаю, куда. Осторожно подхожу к двери, выбираюсь в коридор, хочу пойти по лестнице вниз, тут же спохватываюсь, почему, собственно, вниз, а если там подвал, что мне даст это вниз. Иду назад, где-то там была лестница вверх, опять же, чего ради, вверх, что мне даст это самое вверх...

...книга появляется в моих руках, снова больно обжигает ладони. Бросаю книгу, черт, черт, черт, хочу бежать, тут же спохватываюсь, что книга ничего не замышляет, и вообще, это не она делает, это случилось потому что... потому что...

черт возьми, откуда я знаю, почему...

А ведь минуту назад здесь в коридоре не было никаких лестниц, говорю я себе. Выбраться. Выбраться, – говорю я себе. Если вообще есть куда выбраться, если вообще есть куда выбираться, если мне не привиделось все это, мой дом, мой город, дом, где я родился, первые попытки что-то писать, курсы писателей, недорого, орущая мамаша, ты на экономический пойдешь, я сказала, ни черта он не хочет, хочет сидеть и писать... Бегство из дома, скитания из ниоткуда в никуда, рукопись отклонена, рукопись отклонена, рукопись отклонена, так и не завершённый роман «Ночлег для ночи», на кой хрен я вообще за него взялся...

Сжимаю зубы, не вспоминать, не вспоминать, не вспоминать, сорок лет, ни кола, ни двора, одна незаконченная рукопись, когда вижу одноклассников, предпочитаю делать вид, что я их не узнал, Мишаня с Ленкой из новенькой тачки выходят, я на улице листовки раздаю, ни работы, ни хрена... Этой-то сценой «Часоворот» меня добил, как там из флаера выходит магнат с женой, и узнают бывшего одноклассника, а он в отбросах роется, ищет себе запчасти для бионической руки или для чего там... Окликают его, а-а-а, сколько лет, сколько зим, айда с нами, поужинаем, может, тебе помочь чем... А герой уже от стыда сквозь землю провалиться готов...

Тьфу ты, черт...

Без паники. Выбраться. Поднимаюсь по лестнице вверх,

оказываюсь на точно таком же этаже. Поднимаюсь вверх еще на один пролет, оказываюсь в таком же коридоре. Начинаю что-то подозревать, осторожно кладу книгу на ковер, иду вверх. На следующем этаже вижу лежащую на ковре книгу. Вот оно. Началось. Снимаю ботинок, кладу рядом с книгой, поднимаюсь на пролет выше, вижу свой ботинок на ковре.

Часы бьют полночь. Почему-то мне теперь не очень верится, что они сломаны.

Иду в ближайший зал, включаю светильник на стене, включаю камин, думаю, электрический он или какой. Комната озаряется неярким светом, который тает под потолком в подступающей темноте. Вспоминаю каких-то японских мифических чудищ, которые прятались в темноте под потолком зимними ночами, и пили свет и тепло. Накрываю голову пледом, как в детстве, ужинаю, перебираю книги, еще никогда не было так сложно выбрать, что почитать. Почему-то хочется вернуться к книге, которая меня чуть не убила, посмотреть, какие книги повлияли на её автора, кто написал эти книги, какие книги, в свою очередь, повлияли на них, проследить эту цепочку, эту вереницу вглубь веков...

– Э-э-э... Здравссьте.

Тишина.

– Э-э-э... гуд ивнинг.

Тишина.

– М-м-м-м... гутен... гутен абенд.

– Э-э-э... салют...

Отчаянно думаю, на каком еще языке можно обратиться к нему, к человеку, который сидит ко мне спиной, какие вообще языки могут быть здесь, в три тысячи каком-то там году. Книги написаны на безумном смешении языков, наречий, иногда можно только догадываться о смысле. Хочу тронуть человека за плечо, спохватываюсь, что я делаю, а если он спит, да что значит, если, точно, спит, трогаю за плечо, голова падает на грудь. Нет, не спящий, тут другое что-то, понять бы еще, что другое, принимаю, нет, не пьяный, да кто их знает, что они там принимают в своем тридцатом веке, может, оно и не пахнет уже. Человек падает на ковер – мягко, безвольно, уже понимаю – мертвый.

Меня прошибает холодный пот, отчаянно припоминаю, трогал я его или не трогал, а ведь остались мои пальчики на нем, как пить дать остались. Уже репетирую какие-то протокольные фразы, я вошел, он в кресле сидел, я его окликнул, он не отозвался, я его за плечо тронул, он упал...

Наклоняюсь к мертвому (мертвому?), вспоминаю какие-то правила первой помощи, которые и не знал никогда, массаж сердца непременно с переломом ребер, искусственное дыхание, не помню ничего, картинка была в учебнике, там кто-то человеку клыки пририсовал, будто он кровь пьет...

Смотрю на мертвого, понимаю, что реанимировать уже некого, вижу торчащие ребра там, где должна быть грудная

клетка. Отчаянно соображаю, что тут могло случиться, съели его, что ли, или кислотой облили, тут же понимаю, что не то, не другое, а что-то такое случилось, чего в двадцать первом веке еще не было.

Закрываю платком лицо умершего – платок исчезает.

Перебираю бумаги на столе, готовый в любой момент отдернуть руки, читаю, перечитываю, замыкание пространства, замыкание времени, тайные знаки, буквы, цифры, хрен пойми, что такое. Полчашки кофе, или что там налито, лучше не трогать, может, он этой штукой и отравился, книга, такую я еще не видел, «Бессонница сна». Хочу открыть, спохватываюсь, я же хотел найти, откуда взялась книга, которая меня чуть не убила...

Первооснову «Часоворота».

Этого не может быть, говорю я себе. И кому я это говорю, себе, который за последнюю неделю увидел все, и даже больше. Снова перечитываю последнюю фразу, убившую меня наповал:

...одним из его любимых писателей был Виктор Каминский...

Еще думаю про однофамильца, дочитываю дальше —
...в частности, его книга «Ночлег для ночи».

Понимаю, что никакой ошибки быть не может. Стою перед часами, которые, наконец-то, нашел. Они показывают без одной минуты час, минутная стрелка перескакивает

на двенадцать, тут же на двенадцать скачет часовая стрелка. Говорю себе, что часы испортились. Просто. Часы. Испортились.

Никак не думал, что первоосновой «Часоворота» окажется моя собственная книга.

Вот так.

Говорю себе, что теперь осталось найти книгу. Свою книгу. Ночлег для ночи. Перебрать по алфавиту, по жанрам, по годам, выискать, черт меня дери. Мне кажется, это случится довольно быстро, чем дальше, тем больше я чувствую, что бесконечная библиотека читает мои мысли, подсовывает мне то, что я ищу – а может, мне это только кажется. Выхожу в коридор – что-то происходит, пол и потолок меняются местами, хватаюсь за стену, жду, когда все станет, как было. Мир возвращается на место, стена, которая была справа, почему-то оказывается слева, а дверь в комнату, напротив, справа. Страшная догадка сжимает сердце, я раскрываю книгу, пытаюсь читать, не могу, подношу зеркало, разбираю буквы без труда.

Отчаянно вспоминаю, что я делал до того, как коридор вывернулся наизнанку. Отступаю назад, пол и потолок снова меняются местами, хватаюсь за стену, мир возвращается в привычное русло.

Книга, говорю я себе. Книга, которую написал я сам, будь я проклят, если её не найду. Иду по коридорам, по привычке открываю все двери, может, за какой-то из них окажется вы-

ход. Пару раз вижу вдалеке коридора свет, похожий на уличный, сумеречный, бросаюсь туда – нет, только тусклое сияние ламп...

Все еще сжимаю в руке книгу, с которой началось мое путешествие, все еще не могу расстаться с «Часоворотом». Я уже заметил, что книга исчезает, как только я говорю себе, что не уйду отсюда, и появляется снова, стоит мне сказать себе, что я обязательно найду выход.

Почему ты хочешь убить меня, спрашиваю я книгу, почему ты хотела убить меня.

Книга молчит, книга уже сказала мне все, что могла... или нет? Перебираю залы, стеллажи, каталоги, наконец, нахожу то, что искал, издание 3030 года, переработанное и дополненное. Листаю, ищу, сам не знаю, что, большое влияние на его творчество оказали... это уже было... родился в Нью-Йорке... было... под светом двух лун... А вот...

...разумеется, даже сейчас не все с восторгом встречают «Часоворот», есть люди, которые призывают сжечь скверную книгу, даже бывали случаи массового сожжения «Часоворота» на площадях. Некоторые особо упоротые фанатики требуют сжечь не только саму книжицу, но её последователей, и их не смущает, что в таком случае придется уничтожить половину человечества. Особенно ревностно борются с «Часоворотом» последователи «Бессонницы сна», впрочем, этому способствует и сама «Бессонница» своей нетерпимостью к инакомыслящим...

Что-то щелкает в голове, начинаю понимать, но недостаточно быстро, кусочки никак не хотят складываться в общую картину. Сжимаю голову в висках, пытаюсь поймать ускользающую мысль, вот оно, вот оно, вот...

Нет.

Чер-р-р-т...

Устраиваюсь на диване, надо бы поужинать, уже три часа как надо поужинать, все некогда, открываю «Бессонницу сна», чувствую, что книга меня затягивает с первой страницы, с первых строк, теряюсь в книге...

«Часоворот» снова исчезает. Захлопываю книгу, умоляю «Часоворот» вернуться, на кой черт я умоляю её вернуться, она меня чуть не убила. Тем не менее. Вернись, вернись, вернись, не буду я читать эту «Бессонницу», не буду.

«Часоворот» появляется на столике, я протягиваю к нему руку, хочется потрогать его до того, как он станет настоящим, непрозрачным, существующим – удар тока отбрасывает меня.

Слышу бой часов, голос полуночи. Спать, спать, ужинать и спать, а завтра будь я проклят, если не найду свою книгу...

Завтра...

Уже наливая кофе, или что там, спохватываюсь, вспоминаю, что не бывает тут никакого завтра...

...почему-то мне кажется, что снаружи осень...

Почему ты здесь, спрашиваю я книгу, почему ты здесь.

Книга молчит, она так и будет молчать, пока я её не открою. Моя книга. «Ночлег для ночи». Сжимаю в руках, глажу переплет, твердый, добротный, кто эту обложку вообще рисовал, руки ему вырвать и вставить не скажу, куда. Устраиваюсь поудобнее на диване, долго не решаюсь открыть, чувствую, как потеют ладони.

Раскрываю. Оторопело смотрю на пустую страницу, это еще что за чертовщина... Еще одна пустая страница, еще, еще... чер-р-т... Листаю книгу, наконец, натыкаюсь на фрагмент абзаца, еще один, еще...

Почему ты показываешь мне только то, что я сам написал, почему, почему, – спрашиваю я книгу. Книга молчит. Вытаскиваю из кармана блокнот и ручку, выискиваю неоконченный фрагмент, начинаю дописывать, смотрю, как на странице книги появляются слова...

Черт...

Заглядываю в начало книги, ищу свою биографию, биографии нет, ничего нет. Шальная мысль ударяет в голову, я хватаю книги, все три, я спешу по коридорам, по лестницам, по залам, я ищу стеллажи с биографиями, я нахожу их – достаточно быстро, прямо-таки до неприличного быстро, мне всего лишь два раза пришлось пройти через мир, вывернутый наизнанку и заблудиться в измерениях. Писатели, писатели, вот они, писатели, ищу свою фамилию, нахожу не сразу, почему-то буква «К» за тысячу лет перекочевала в алфавите непонятно куда, уступив место каким-то иероглифам

и непонятным знакам.

Виктор Каминский.

Годы жизни.

Вот так, в лоб, умру в этом году. Осталось полгода, говорю себе, осталось полгода. Почему-то спрашиваю себя, успею я дописать Ночлег для ночи или нет, да что тут спрашивать, успею, написано же, автор «Ночлега для Ночи», а от чего умру, не написано.

Перебираю записи, которые подобрал на столе возле умершего, будь я проклят, если не разберусь во всех этих закорючках, если не выберусь отсюда. Думаю, сколько буду разбираться. Год. Два. Десять лет. Двадцать лет. И через сколько лет я захочу покинуть это изобилие книг...

...ужинаем вчетвером, я, «Ночлег для Ночи», «Часоворот» и «Бессонница Сна». Расставляю по столу чашки, наливаю себе ку-эф (это не кофе, теперь я знаю, что это), режу еду, оглядываю сидящих со мной, кажется, «Бессонница» боится моего взгляда. Я не тороплюсь, я выжидаю, я растягиваю паузу, я уже знаю, что «Бессонница» сидит, как на иголках. Да и торопиться мне уже трудно, девяносто лет все-таки...

Допиваю ку-эф.

Откашливаюсь.

– А вы молодец, «Бессонница»... Нет, правда, люблю умные книжки, умные и сообразительные... Это же надо же

было всё так подстроить... Нет-нет, даже не отпирайтесь, вы даже не думайте, что я вас раскусил. Это ж надо же было додуматься, завербовать ученого, который работал с пространством и временем, надоумить его выдернуть меня из моего времени, посадить в библиотеку будущего, подsunуть мне «Часоворот»... Вы хорошо знали мою биографию, вы понимали, что «Часоворот» может довести меня до отчаяния, до суицида, и у вас почти получилось, я остановил себя в шаге от бездны... А как ловко вы рассчитали, я умру, «Ночлег для Ночи» никогда не будет дописан, его никто не прочтает, он никого не вдохновит на написание новых книг, которые поэтому тоже никто не прочтает, не напишет что-то новое... и «Часоворот» не появится. Вы хотели, чтобы «Часоворот», ваш конкурент, ваш враг, вот так убил самого себя... Но у вас не получилось. Я оказался умнее, чем вы думали... Впрочем, у вас были и запасные варианты. Вы надеялись, что я не смогу выбраться из библиотеки, ведь вы предвидели, что ученый погибнет, когда будет закручивать пространство и время... Опять же, я оказался умнее, чем вы думали, я разобрался с этим за несколько лет, теперь мне ничего не мешает выйти отсюда... Впрочем, у вас был еще один, последний козырь, на который я едва не купился: вы интересная книга, спору нет, если бы я вас прочитал, я бы в жизни не стал дописывать свой «Ночлег», я бы вообще сжег рукопись... Но и тут вы недооценили меня, я догадался, что мне не следует читать вас, пока я не напишу свой «Ночлег»... Я

все-таки прочитал вас, но уже после того, как поставил точку в своем «Ночлеге». Нет, я не спорю, вы интересная книга, вы захватываете с первой страницы... Но похоже, будущее останется за «Часоворотом».

Книга ничего не отвечает. Я знаю, что она ничего не ответит, она уже сказала мне все, что могла.

Спать... нет, спать сегодня я буду уже дома. Дрожащими руками беру флешку с «Ночлегом для ночи» по стеночке, по стеночке иду по коридору, бросаю прощальный взгляд на две книги, которые остались в зале. Перевожу дух. Что-то подсказывает мне, что сегодняшняя ночь для меня станет последней. Ничего. Открыть портал, я знаю, как это сделать, вызубрил наизусть. Войти в комнату. Включить ноут... нет, он уже включен. Вставить флешку. Обнаружено новое устройство. Очень хорошо. Почта. Адрес издательства. Добавить файл. Отправить. Вот так. Лечь спать. Не раздеваясь, нет сил раздеться. Комната выглядит непривычной, прямо-таки чужой. Спать. Холодок по ногам, надо бы укрыться, нет сил укрыться, комната вертится каруселью, роняет меня в никуда, цепляюсь за остатки мыслей, знаю одно – ночь нашла свой ночлег...

Не забыть

Я никогда не могу их увидеть, я никогда не могу встретиться с ними лицом к лицу. Потому что пока я слаб, я сам прячусь от них, а когда я становлюсь сильным, они сами прячутся от меня – я нахожу только мертвые планеты, руины некогда цветущих городов, выжженные земли под незнакомыми солнцами, сухие исторические сводки в заброшенных архивах, письма на стенах полуразрушенных храмов. Или, напротив, я прихожу туда, где их еще нет, но они появятся, правда, неизвестно, когда, – через день, через год, через тысячу лет, а сейчас о них вещают пророчества, в которые никто не верит.

Я никогда не могу увидеть их своими глазами.

Никогда.

Не забыть.

Я никогда не могу узнать, откуда они появились. Сколько я ни пытался найти ростки этого народа, но всякий раз наткнулся либо на могучее племя, войной идущее на города, планеты, миры, – либо же я видел крохотные народцы, поселения, разрозненные кланы, в которых никак нельзя было увидеть будущих завоевателей мира. Я пробовал истреблять кланы, жечь деревушки, из которых потом должно было по-

лучиться воинственное племя – но всякий раз они начинали свой род от какого-то другого клана, ких было великое множество.

Не забыть.

Я не могу уничтожить их просто так – подстроить, чтобы они были истреблены под корень. Почему? Я не помню. Почему? Я не знаю, память не слушается меня, но – я не могу их просто так истребить, я должен найти что-то... что-то...

Не забыть.

До сих пор ума не приложу, как столь отсталый народ, способный только к завоеваниям и истреблениям, смог породить величайшее открытие всех времен, которое положило начало величайшей цивилизации. Я ничего не знаю о том, кто именно это сделал, до меня дошло только имя – изгиб Ай-Тун, я даже не знал, что такое этот Ай-Тун, имя, фамилия, прозвище, место рождения, или что-то еще. В некоторые времена у некоторых народов это могло быть именем, у некоторых – названием профессии, а где-то и вовсе сложным заковыристым прозвищем вроде человек такой-то, потомок человека с такой-то профессией.

Не забыть.

Я никогда могу узнать, где и когда родился Ай-Тун. Я уже пробовал терпеливо перебирать города, эпохи, планеты, где бывало воинственное племя – но нигде я не находил даже следа Ай-Туна. В лучшем случае мне попадались какие-то исторические сводки, которые из-за своей давности обросли множеством легенд, где уже нельзя было отличить правду от вымысла. Иногда я попадал в какое-нибудь государство или город, где появлялись пророчества о том, что здесь родится величайший гений всех времен. Я жил там – годами, веками, я сам почти сживался с этим воинственным народом, вместе со всеми восторженно кричал, глядя на ритуальные казни, почти забывая, что я не часть этого кровожадного мира. Проходили века, тысячелетия, город вымирал, высыхали арыки, стены домов рассыпались в прах, я так и не находил его.

Не забыть.

(еще через одну вселенную)

Возвращаться на родину. Каждый раз, каждую вселенную, возвращаться на родину третьего эона в год белого противостояния, когда с небес падали горящие камни, воинственное племя обрушилось на наши города. Вернуться на родину, увидеть пепелище, которое останется от нашего дома, увидеть убитых родных, увидеть пепелище, которое осталось

от столицы, увидеть Храм Пустоты, который буквально исчез, сраженный неведомой силой. Вернуться домой – чтобы подпитать свою жажду мести, слишком долго и слишком бережно я взращивал её, подобно хрупкому цветку в безжизненной пустыне, ибо душа моя стала пустыней, выжженной жадой мести.

Не забыть.

Вернуться на родину, найти свой дом, остановиться, как постоялец. Сложнее всего делать вид, что первый раз встретился с родными. Когда сестра уронит чашку – не подхватывать, я еще не должен знать, что она уронит чашку.

Не забыть.

Не целовать мать. Не поймет. Не узнает.

Не забыть.

Не пытаться предупредить людей о грядущей войне – не поверят, примут за безумца. Не пытаться отразить атаку врагов – неисчислимы попытки спасти мой народ не увенчались успехом.

Не забыть.

Мое имя.

Мой народ.

Мою землю.

Мою мать.

Чужой народ, отнявший у меня все.

Не забыть.

Я не знаю, когда они появились. Я не знаю, когда этот воинственный народ канул в небытие. Хочется поставить хоть какие-то вехи, например, сказать, что их не было сколько-то веков после Большого Взрыва – но иногда я начинаю сомневаться даже в этом. Сколько ни следил, столько не замечал у них никаких мало-мальски развитых технологий – да, они пересекали огромные пространства, они обрушивались с небес на беззащитные города только благодаря миллионам лет эволюции.

Не забыть.

(спустя еще одну вселенную)

У них много имен, они могут скрываться под любым названием, как и тот единственный, которого я ищу среди воинственного племени. Это не я сам. Вот это вот важно – я и он это разные личности, если бы он оказался мной, это было бы слишком просто.

Важно: не хранить оболочку после Большого Взрыва. Как только она перестанет быть нужной, перестроить на что-то более необходимое. Не забыть: как сделать оболочку. Чертежи хранить только в своей памяти. Оболочку делать за де-

сять лет до начала большого сжатия.

Не забыть: не покидать оболочку сразу после Большого Взрыва. Лучше всего дождаться, когда появятся звезды.

Не забыть.

Пару раз я уже совершал жест отчаяния – убивал половину воинственного народа, потом еще половину тех, что осталось, потом еще половину – пока, наконец, после уничтожения очередной половины не понимал, что убил и человека, которого искал. Тогда я ставил себе заметку, что человек в это время находился где-то там, я расставлял координаты, я дожидался смерти вселенной, я ждал, когда вспыхнут новые звезды – снова приходил туда, где прятался мой человек, снова убивал половину воинственного народа, сокращал радиус поиска, но...

...но все тщетно.

Не забыть.

Не забыть.

Не забыть...

Мертвый напарник

Еще нужно было открыть подвал, чтобы я мог поспать на леднике в холоде: разложение еще не началось, но запах смерти давал о себе знать. А потом нужно было затопить камин на втором этаже и заварить кофе, чтобы согреться...

...впрочем, все по порядку.

Это сон, сказал я себе. Ну конечно, это сон. Темная тень наклонилась над моей кроватью, в лицо ударил трупный запах. Этого не может быть, сказал я, зажег свечу, еще раз посмотрел на то, что стояло передо мной. Он мертвый, сказал я себе, ну, конечно же, он мертвый, с простреленной головой...

– Простите... я разбудил вас?

Я вздрогнул от его голоса – какой-то свист, хрип, как будто мертвое существо пыталось выговорить человеческие слова.

– Нет-нет, я не спал... вернее... зачитался тут, задремал... так вы...

– Вы мне поможете?

– Да, да, сию минуту... – я заметался по комнате в поисках перевязочных материалов, но тут же спохватился, что нужно вызывать врача.

– Нет-нет, врача не нужно, я же мертвый, – запротестовал он.

– Тогда... чем я могу помочь?

– Ну видите, меня убили... А я не знаю, кто это сделал.

– Вот как...

– Вы же детектив, вы же может...

– Да, да, конечно... где это случилось?

– Вон там, в переулке, возле булочной... он в меня выстрелил...

– Он? Вы уверены?

– Ну... может, она... честное слово, не знаю...

– Хорошо, хорошо, разберемся... враги у вас были?

– Слушайте... – он схватился за простреленную голову, – не помню я ничего... вот честное слово, ничего про себя не помню...

– Ничего... не помните?

– Ну да, вот как выстрелили в меня, вот как отрезало...

– Ничего, ничего, я обязательно помогу вам вспомнить, – я говорил и сам не верил в то, что говорю, – давайте... пойдете на место происшествия... посмотрим...

Я спустился на первый этаж и взял пальто – что-то насто-рожило меня, я посмотрел на своего незваного гостя, потом на свое пальто, еще попытался успокоить себя, что мало ли на свете одинаковых пальто – но тут же спохватился, что тут что-то другое, тут...

Я посмотрел на его лицо. И понял все. Здесь по-хорошему я должен был удивиться, но все произошло слишком быстро, чтобы чему-то удивляться. Я вышел в холод осени, огля-

дел пустоту улицы, поискал в переулке улики, но как назло, дождь смыл все следы, мне осталось только догадываться, что случилось здесь, под погасшим фонарем. По привычке я достал часы, чтобы засечь время и дату, и тут меня осенило.

– Позвольте... ваши часы, – попросил я.

– Но... у вас есть свои часы.

– Я вижу, и все-таки позвольте ваши часы.

– Это что... ограбление? Я... я не позволю...

– Послушайте, если вы хотите, чтобы я вам помогал, будьте добры дать мне свои часы, – не выдержал я.

Он оторопело протянул мне золотой брегет, я посмотрел на циферблат, сравнил время – время было одинаковым, сравнил дату и вздрогнул. Хотел было сказать своему клиенту, что его часы спешат на сутки вперед, но тут же понял, в чем дело.

– Вас убьют завтра, – сказал я.

– Простите?

– Вас. Убьют. Завтра, – повторил я, уже сам плохо понимая, что говорю.

Вот так. А теперь уже можно сказать про то, как я открывал подвал и устроил самого себя ночевать на леднике, и про то, как я растопил камин на втором этаже, чтобы согреться. Мне казалось, что пережитое волнение надолго лишит меня сна – но накопившаяся за день усталость взяла свое, и я задремал у камина. Когда я проснулся, большие часы в холле пробили десять. Что-то заставило меня посмотреть на бре-

гет на цепочке, я не сразу понял, что вижу не сегодняшнюю, а завтрашнюю дату. Я понял, что нет времени рассуждать, надо действовать, и как можно скорее. Я спустился в подвал, чтобы разбудить самого себя – но тут же понял, что будить уже некого, тот, кто должен был умереть еще час назад. Я посмотрел на часы – до преступления оставались считанные минуты – и вышел на улицу, сжимая в руке кольт. В сумерках за морозящим дождем почти ничего не было видно, и все-таки я разглядел в темноте силуэт человека, который целился в меня. Я опередил его, я выстрелил первым... и увидел себя лежащим на тротуаре. Я попытался подняться – мне удалось это со второй попытки, что-то стекало по лицу, я не сразу понял, что это кровь. Теперь оставалось вспомнить, кто я и что я, и что делаю здесь, ах да, меня же убили, убили, это в полицию надо... Я заковылял по улице, на крыльце ближайшего дома силы оставили меня, я опустился на ступеньки под фонарем, чтобы перевести дух, и тут мое внимание привлекла табличка у двери – детектив. Я толкнул дверь – она открылась удивительно легко, заковылял на второй этаж, откуда пробивался тусклый свет. Кто я, черт побери, почему меня хотели убить, почему, почему, почему. В полумраке я натолкнулся на спящего в кресле человека, который подскочил и оторопело посмотрел на меня. Мне ничего не оставалось кроме как осторожно спросить:

– Простите... я разбудил вас?

Заметки психолога

Честно признаюсь, дорогие читатели, в моей практике бывают такие случаи, которые даже я, психолог с многолетним стажем, не могу понять. Кто считает, что я всегда знаю, что сказать клиенту, глубоко заблуждается – порой даже я чувствую себя совершенно беспомощным. Вот вам, пожалуйста, недавний случай из практики. Приходит ко мне на прием мужчина средних лет, с небольшими залысынами, как-то сразу понимаю, что недостаток у моего клиента немаленький. Ко мне, конечно, другие и не ходят, но тут, как мне показалось, и вовсе заоблачные доходы у моего посетителя. Вошедший сел в кресло, немного помялся и осторожно начал:

– Понимаете... у моей жены послеродовая депрессия.

Ваша семья, это вы, ваша жена, ребенок, и...

– ...и все. Если совсем честно говорить, Гедда мне еще не жена, мы только собирались расписаться...

Потихоньку настораживаюсь, так-так, все не так уж и гладко. Посетитель видит мое замешательство, тут же поспешно добавляет:

– Нет-нет, вы не подумайте, я человек слова, мужик сказал – мужик сделал, семья у нас была крепкая, отец нас приучил слово держать... Да я бы хоть сейчас с Геддой свадьбу сыграл, говорю вам, в депрессии она у меня...

Осторожно уточняю:

– Ребенок был желанный?

– Ну, как вам сказать... я вот всю жизнь о наследнике мечтал... а Гедда как-то так...

– Она не любит сына?

– Вот даже не знаю, как... раньше с ней договаривались, что нянечек найдем, чтобы Гедде от работы не отвлекаться, а сейчас Тимке уже три месяца, Гедда про работу и не вспоминает.

– Ну, вы уж подождите, дайте ей в себя прийти...

– Так я все понимаю, роды, то-се... только раньше она прямо работой горела, а тут как отрезало...

– А Гедда у вас работает...

– С потусторонкой мы работаем, что я, что она. Я же когда о ребенке заикнулся, она же чуть ли не в слезы ударилась, что время потеряет, навыки потеряет, у нас работа сами знаете, там день потерять нельзя, не то, что год...

– Ну, честно скажу, про работу вашу и не знаю ничего толком...

– ...ну вот, а теперь её и на работу не выпихнешь, и раньше она дама была стильная, залюбуешься, а теперь хоть сам её за руку бери и по магазинам води, хоть сам на неё примеряй всякое...

– Ну, вы бы не торопили события, может, Гедде вашей дома посидеть сейчас, с ребенком...

– Да я вот тоже так сначала думал, только кажется мне, тут другое что-то...

Осторожно спрашиваю:

– Так что вы... от меня хотите?

– Вы бы поговорили, что ли, с благоверной моей...

– Ну, хорошо, приводите её...

Если она придет, мысленно добавил я про себя.

Я напрасно волновался, – супруга моего клиента пришла через пару дней, оказалась худощавой женщиной с синим каре: она выглядела так, будто кто-то, а не она сама, подбирал ей стрижку, одежду, водил её в парикмахерскую, нанимал визажистов, выдумывал какой-то образ...

– Муж сказал, вы просили прийти, – сказала женщина так, будто делала мне одолжение.

Я замялся: такого поворота событий я не ожидал.

– Ну... если вы считаете, что у вас все в порядке...

– Да, собственно, все хорошо... сын родился...

– Вы его любите?

– Да нет как-то... ну... за ним нянечки ухаживают, все хорошо... Нет, вы не думайте, я с ним так-то время провожу...

– Муж хочет, чтобы вы к работе вернулись...

– Да и сама хочу... только постепенно, не сразу так, с места в карьер...

Я уже почти готов был признать, что у моей пациентки и правда все хорошо, хотел порекомендовать какие-нибудь витамины – но чем дальше, тем больше мне казалось, что все не так, совсем не так, и Гедда за холодной улыбкой скрывает

что-то, какую-то жгучую невыносимую боль...

– Что... что у вас случилось? – спросил я в упор.

Гедда вздрогнула, как от удара.

– Я, собственно, что пришла, что хотела спросить... тут такое дело... – она выдохнула: – Алан меня изнасиловал.

– М-м-м... а поподробнее?

Гедда молчала.

– Когда это было... вы были женаты?

– Мы даже знакомы не были, – ответила Гедда почти шепотом.

Меня передернуло.

– Когда это случилось?

– Около года назад.

Меня осенила жуткая догадка:

– И... и потом Тимми родился, да?

– Да...

– И это вот случилось... где?

– В смысле, где Тимми родился, или...

– Или.

– В нашем доме... только он тогда еще не наш был, он пустой, заброшенный стоял... Там особняк такой красивый еще с позапрошлого века, обветшалый стоял, его не покупал никто, потому что бешеных денег стоил, а потом не покупал никто, потому что его отремонтировать надо... Вот Алан меня туда, в особняк этот завел, и... – Гедда закусила губу, – потом уже Алан этот дом купил, сказал, мы тут жить будем...

Ну я еще от себя добавила... на ремонт дома... там перила из натурального дерева... там еще темное все такое было, я Алану сказала, а давай в светлых тонах сделаем, хорошо я хоть сначала на компе в редакторе проект сделала, посмотрела, как в светлых тонах будет, поняла, что вообще не годится... все очарование дома, что он темный такой...

– А... а Алан что про дом сказал?

– А что Алан, ему без разницы, он вообще сказал, как ты хочешь, так и сделаем... Вообще сказал, если хочешь, по пять раз переделывать будем...

Я понял, что Гедда не хочет говорить о том, что случилось. Сначала я решил потихоньку подвести её к непросто-му разговору, но тут же спохватился, что никакого разговора тут быть не может, только...

– ...так это вам в полицию надо, – сказал я.

– Ой, что вы, ни в коем случае в полицию, – Гедда зама-хала руками.

– Ну как это ни в коем случае, вы что, Алана бои-тесь, или...

– Да нет, нет... вы поймите, он ни в чем не виноват!

– Вы сказали, что он вас... было это?

Гедда кивнула.

– Тогда он...

– ...не виноват. Ни в коем случае не виноват...

Я отчаянно пытался понять, что происходит, хватался за всевозможные варианты.

– Вы с ним там, в доме, выпили лишнего, и...

– Нет.

– Он бил вас?

– Нет.

– Угрожал?

– Да нет, что вы... Алан вообще все хорошо так... цветы мне даже подарил... там, в доме искусственные цветы были, он мне букет подарил... хорошо всё так было...

– Так я не понимаю, если вы сами согласились...

– Да не согласилась я... Ну что вы на меня так смотрите, думаете, согласилась, потом передумала? Вы меня поймите, не тот это случай...

– Слушайте, если Алан виноват...

– Да не виноват он, поймите, он мне вообще жизнь спас!

– Так что вы хотите? – выдохнул я.

– Ну... это... вы мне подскажите, как это пережить все, а то мерзко так после этого на душе... может, методики какие есть, ну типа там, я отпускаю прошлое, я принимаю себя...

– А, ну конечно, давайте рассмотрим...

– И вот еще что... У меня такое чувство... что Алан то же самое испытывает...

– В смысле?

– Ну... он ведь тоже со мной... не хотел... Я ему сто лет была не нужна...

– Тогда почему...? – не понял я.

– Ой, не спрашивайте... короче, так надо было... И теперь гаденько так на душе, вот я и думаю... как бы мне с этим справиться... и Алану помочь... так... исподтишка... невзначай...

– Ну, хорошо, давайте рассмотрим...

– ...вы только это... вы только пообещайте мне, что в полицию не пойдете, про Алана ничего не расскажете... Честное слово, не виноват он ни в чем...

Я постарался помочь пациентке, но признаюсь сразу, у меня это не получилось, потому что я совершенно не понимал, что именно произошло: Гедда замыкалась в себе и мне ни шаг не удалось приблизиться к разгадке. К чему я все это пишу: не всегда у психолога получается одним махом разрулить все проблемы...

Здесь можно было бы поставить точку, но точки не получилось: вышло так, что эта история трехлетней давности получила продолжение пару дней назад. Я снова увидел своего клиента с его супругой и ребенком, они выходили из торгового центра, похорошевшая Гедда вела за руку маленького Тимми, кажется, она была счастлива. Я поприветствовал семью, перекинулся с ними парой слов: Гедда воодушевленно рассказывала мне о своей работе, кажется, добилась каких-то профессиональных успехов, я ничего в потусторонках не понимал, в подробности не вдавался. Тимми очень радовался, что проведет выходные с папой и мамой, отец

семейства сдержано улыбался. Они казались счастливой семьей. А меня эта встреча утвердила в одной давней моей мысли – не все проблемы может решить психолог, иногда достаточно просто подождать, недаром говорят, что время лечит.

В жизни не думал, что мне снова придется вернуться к этой семье – но странная история не отпускала меня. Я вспомнил про них, когда мне на глаза попала газета, где я увидел фотографии своих знакомых и заметку, что они погибли там, по ту сторону портала. Я посмотрел на дату – это случилось несколько лет назад...

...от актеров требуется сложнейшая психологическая работа. Когда три человека – двое мужчин и женщина – сидят в уютном зале с камином, они не должны обращать внимания на устрашающие образы за окнами и подступающий туман. По мимике и жестам актеров должно быть видно, что герои ненавидят друг друга и готовы друг друга поубивать – но почему-то вынуждены быть милыми и любезными, и не просто делать вид, что хорошо друг к другу относятся, но правда хорошо относиться. Когда герои бросают жребий, нужно показать по их лицам, что от этого жребия зависит их жизнь. Немая сцена, где герои тянут жребий, должна быть максимально напряженной, но на лицах людей не должно отражаться ни одной эмоции. Когда двое мужчин жестами по-

казывают женщине, что именно ей выпадает честь вытянуть жребий, их манеры должны быть галантными и чуть ироничными, вроде как – кончились времена благородных рыцарей и прекрасных дам, но все-таки так уж и быть, даму вперед...

Когда женщина разворачивает бумажку, её лицо ничего не выражает – ровно до того момента, когда она читает имя на бумажке. Здесь её лицо меняется – но не на страх, не на отчаяние, не какую-то конкретную эмоцию, а просто неуловимо меняется – чтобы зритель сразу понял, что именно она прочитала. Дальше женщину разбирает смех, почти истерический. А когда мужчины нетерпеливо тянутся к бумажке с именем, должно быть видно, что они уже поняли, что прочитала женщина, но хотят убедиться.

Напоминаем – все это происходит на фоне устрашающих образов за окном. Женщина вымученно улыбается, говорит что-то – зритель не слышит, можно догадаться, что она желает мужчинам всего хорошего, делает хорошую мину при плохой игре, но при этом еле сдерживается, чтобы не разрыдаться: должно быть понятно, что её ждет что-то более страшное, чем смерть. Мужчины встают и направляются к выходу, всем своим видом показывая, что если бы они могли чем-нибудь помочь, они бы это сделали, но сделать ничего не могут. Один из мужчин – большой, грузный, рослый – останавливается, смотрит на женщину, видно, что-то придумал, подходит к ней, берет за руку, шепчет что-то. Женщина идет за ним, на её лице читается смесь отчаяния и надежды,

она не очень-то верит, что мужчина чем-то поможет. Наконец, нехотя идет за ним прочь из комнаты вверх по лестнице, на второй этаж большого дома, потом на третий, в просторные залы, в богато убранные комнаты – дом выглядит роскошным, но заброшенным. Герой заводит свою спутницу в спальню в пурпурных тонах, закрывает дверь, задергивает бордовые шторы. Неумел обнимает женщину, начинает целовать её лицо – видно, что он не очень-то хочет это делать, но почему-то вынужден. Женщина возмущенно отталкивает его от себя, кричит что-то, мужчина что-то говорит, объясняет, доказывает, женщина понимает, соглашается, начинает расстегивать блузку. В её жестах должно быть замешательство – с одной стороны, она не хочет этого делать, с другой стороны понимает, что от этого зависит её жизнь. Мужчина видит замешательство своей спутницы, в какой-то момент отодвигается от неё, машет рукой, хочет отложить встречу на завтра, а то и вовсе на неопределенный срок – женщина спохватывается, бросается за ним, упрашивает, уговаривает, сама неумело целует своего новоявленного любовника.

Никогда не думал, что мне придется снова столкнуться с Аланом и его семьей: тем не менее, когда я выглянул в коридор, то увидел своего давнего клиента, Гедду в белоснежном манто, и маленького Тимми, который увлеченно уткнулся в свой телефон.

– Мы, в общем-то, по поводу Тимми хотели поговорить, –

неуверенно начал Алан, когда все трое вошли ко мне в кабинет.

Компьютерная зависимость – промелькнуло у меня в голове, но я не стал делать поспешных выводов, а кивнул родителям:

– Рассказывайте.

Первым заговорил Алан, Гедда сидела с отсутствующим видом, как будто все происходящее её не касалось.

– Ну, понимаете... наш сын плохо себя ведет.

– Хулиганит? – попытался уточнить я, – дерется?

– Да не особенно... Ну бывало пару раз, ну так кто в детстве не дрался? Не, я считаю, пацана пацаном надо воспитывать, нечего тут сопли разводить, ах, ах, хорошие мальчишки так себя не ведут...

– А супруга ваша что думает?

– Да она тоже со мной согласная...

Я мельком посмотрел на супругу, она сдержанно кивнула – на её лице по-прежнему ничего не отражалось.

– Тогда в чем же дело?

Алан замялся:

– Ну... как бы это сказать... Даже не знаю, как и сформулировать...

– Ваш сын ходит в школу?

– Ходит... то есть, ходил...

– ...мы ему элитную гимназию выбрали с изучением китайского... – добавила Гедда.

– Китайского? – переспросил я.

– Ну да, ему нравится... Еще на кружок мультипликации ходил... тоже ему нравилось, – продолжила Гедда, – вы не подумайте, пожалуйста, что он переутомляется или еще что, ему нравится все, все успевает... вернее, успевал, сейчас его из школы отчислили...

– За что?

– Так вот... плохо себя вел...

– Что значит, плохо себя вел?

– Ну... – Алан сжал кулаки, – вчера вот он тарелку разбил...

Мне показалось, я ослышался. Мне не верилось, что люди пришли ко мне из-за такой мелочи, как разбитая тарелка.

– Ну что же вы хотите, даже взрослый человек иногда что-нибудь роняет, а тут ребенку восемь лет...

– Нет-нет, вы нас не поняли, – спохватилась Гедда, – он... понимаете, Роза ему замечание какое-то сделала...

– Роза это?

– ...гувернантка наша. Вы только не подумайте, пожалуйста, что он страдает, что я ему мало внимания уделяю, Тимми Розу даже больше, чем меня любит, вы только не думайте, я тоже не ревную никого, у нас хорошо все... так вот, Роза ему что-то там сказала, а Тимми рассердился, вспылил, и вот на другом конце стола тарелка стояла, он на неё посмотрел, тарелка на осколки разлетелась.

Мне снова показалось, что я ослышался.

– Меня даже осколком задело, – кивнул Алан, – главное, это же не первый случай, он бывает, или уронит что-нибудь взглядом, один раз шторы подпалил, чуть дом не сжег, но это-то все мелочи, понимаете, он тут недавно с одноклассником подрался, а тот потом жаловался, что Тимми его душил... А Тимми говорил, что вообще его руками не трогал...

– Ну, у мальчишек это бывает, меня в школе тоже душили, и я душил, а учитель начнет ругать, мы тут же отпираться, а-а-а, а я его вообще не трогал...

– Так нет... мы боимся, а вдруг он и правда руками его не трогал, а так душил... ну... без рук... это же он к любому человеку вот так подойти может, а то и не подойти, а так, на расстоянии, посмотрит, а то и не посмотрит даже, и бац, у человека дыхание остановится...

Меня покорило.

– Мы ему, главное, объясняем, ну ты же так можешь человека убить, ты же так дом сожжешь, он вроде все понимает, не маленький уже, говорит, больше не буду... Он даже что-то со шторами сделал, что они как новые стали. А потом опять заиграется, опять забудет все, опять что-нибудь натворит... нет, мы все понимаем, что ребенок, еще не умеет себя контролировать... но все-таки, надо же с ним что-то делать...

– Нам в школе уже сказали Тимми в лечебницу поместить, – добавила Гедда, – да какая лечебница, нормальный ребенок, ну вот... кроме этого... Нам бы хоть подождать, когда ему лет пятнадцать будет... или наоборот, чем дальше,

тем больше проблем начнется с подростком?

Я начал осторожно подбирать слова, но, честно признаюсь, не знал, что можно сказать.

– Вы бы поговорили с ним, – добавил Алан, – у вас есть какие-нибудь приемы, чтобы он не просто послушался, через пять минут все забыл, а правда понял...

Наконец, я не выдержал:

– Да что происходит-то... это ваш ребенок?

– Не... не наш. То есть, наш. То есть, не наш, – замялся Алан, – ну... не знаем мы.

– Перепутали в роддоме? – уточнил я.

– Нет... то есть...

– Откуда взялся ребенок? – грозно спросил я.

– Вы не подумайте только, он нам не чужой, он у нас родился... – кивнула Гедда, – то есть, не у нас... то есть... не знаем мы.

– Давайте-ка вынимайте все скелеты из шкафов, – потребовал я, – откуда у вас ребенок?

– Оттуда, – признался Алан. Я хотел было уточнить, что он имеет в виду, но тут же догадался по его интонации.

– Да вы что? – ахнул я, – там что, дети есть?

– Нет-нет, детей там нет... он там у нас родился...

Меня покорило:

– Ну, вообще-то за такие эксперименты над детьми вас и к ответственности привлечь можно...

– Да нет-нет, вы не поняли, не было никакого эксперимен-

та...

– Вы ходили туда? – спросил я в упор.

– Ну да... – кивнул Алан, – я, Гедда, и Энтони.

– Энтони, это?

– Ну... конкурент наш...

Я вспомнил газетную статью, почувствовал, как кусочки паззла складываются воедино.

– Лет десять назад про вас писали, что вы погибли... три конкурирующих потусторонщика... предположительно, уничтожили друг друга...

– Это когда мы туда уходили... и не вернулись... портал заклинило.

Я хотел было спросить, что такое портал, и как его могло заклинить, но понял, что вдаваться в технические подробности нездешнего мира не собираюсь. Тем более, что мои посетители внезапно стали очень словоохотливыми, казалось, им давно не терпелось поделиться с кем-нибудь этой историей:

– Понимаете... ну вы читали уже, что мы конкурентами были, по ту сторону хаживали... Ну, много кто по ту сторону хаживал, кто и не возвращался... – начал Алан, тут же осекся, заметив мое выражение лица, – нет-нет, если вам кто скажет, что конкуренты там друг друга убивают, так это бред собачий, там если человека убить, знаете, что начнется?

Я догадался, что меня сейчас опять начнут грузить сложными терминами, и поспешно признался, что не хочу об этом слышать.

– Ну, так вот... так получилось, что портал заклинило, понимаете? А нас тогда на той стороне было трое.

– И? – осторожно спрашиваю я.

– Так вы не понимаете? – Алан нахмурился, с его точки зрения нельзя было не знать таких элементарных вещей, – вы хоть знаете, что из портала в наш мир можно выйти только по двое?

Я хотел ответить, что вот теперь понимаю, но тут же спохватился:

– Значит... один из вас должен был остаться... там?

– Ну да, а что бывает с теми, кто там ночью остается, я думаю, вы знаете.

– Нет, – признался я.

– Ну, еще бы, это только в нашей среде знают... – добавила Гедда, – ну хорошо, давайте это между нами, ладно? Кто там ночью остается, тот потом не возвращается... Его эти забирают...

Я хотел спросить – какие эти, но не стал спрашивать, мне меньше всего хотелось знать, что происходит на той стороне. Та сторона она на то и та, что про неё лучше не говорить и не знать, та сторона, она чует, когда про неё говорят, она тянет свои щупальца к тому, кто про неё не то, что упоминает, а даже думает.

– Ну вот, можете себе представить, встретились мы в тот вечер у портала, и так, и сяк пытаемся войти, и ни в какую... Дело к ночи идет, а ночью там можно выжить только в доме.

Нашли дом рядом с порталом, добротный особняк такой, камин затопили, еды из супермаркета соседнего приволокли...

– Так там дома есть? – спросил я, – и супермаркеты?

– Ну конечно, там же все как у нас, только... – Алан подавился этим «только», спохватился, что нельзя рассказывать, – ну вот, три человека в гостиной сидят, друг друга терпеть ненавидим, сами знаете, какая конкуренция у потусторонников... ну да вы не знаете... глотки друг другу рвать готовы. А глотки-то рвать нельзя, если ночью в доме сидим, дом-то, он от ночи оберегает только если в доме мир и согласие, а если хоть в мыслях ближнему своему чего нехорошего пожелаешь, так вся эта хрень в дом ворвется...

Хочу спросить, какая хрень. Не спрашиваю.

– Ну вот, решили жребий бросать... Гедда еще стала права качать, я женщина, у меня привилегии, ну мы быстро ей сказали привилегии свои куда подальше засунуть... Кто по ту сторону ходит, тому уже не до экивоков этих, даму вперед пропускать, дверь придержать, бабушку через улицу перевести, ребенку конфетку дать... Там человек как бы и человеком быть перестает... Вот, бросили мы жребий, вежливенько так, сидим за столом, чаек попиваем, имена свои на бумажках написали, в пустую сахарницу бросили, Гедде дали бумажку вытащить, вроде как даме уступили... Вот Гедда свое имя и вытащила. Мы уже ждали, она тут в слезы ударится, руки заламывать будет, умолять... Ты извини, дорогая, уж что думал, то думал, из песни слов не выкинешь... А Гедда

спокойно так, сидит, улыбается, желает нам всего хорошего, ну знаете, как на переговорах, кто проиграл, делает хорошую мину при плохой игре...

– Так... – кивнул я.

– А мы же когда в доме сидели, мы же помирились, там же хочешь не хочешь, а помиришься, чтобы от ночи уберечься... уже хочешь не хочешь, а на врага на своего смотришь, ищешь в нем хорошее что-то... И понимаю, что часа два назад я эту Гедду своими руками бы задушил, а теперь жалко мне её вот так бросить. Вот и говорю ей, если хочешь жить, делай, что тебе скажу. Давай, говорю, выбирай, или меня, или Энтони, кого ты меньше терпеть ненавидишь... Гедда меня выбрала. Я её в спальню увел, говорю – раздевайся, она на меня смотрит, как на психа. Я ей объяснил, что к чему... Ну вот, это в ноябре было, в августе у нас сын родился... В тот же день из портала в наш мир вышли... Гедда еще слабая была, мы уже говорили ей, давай пару дней подождем, нет, рвется домой... да мы все домой рвались... инвалидное кресло в соседней больнице нашли, Гедду усадили, чтобы ей самой не идти, как королеву через портал выкатили... Дом этот нам в душу запал, мы его с Геддой купили, обустроили... Вот вы понимаете, у нас никогда и мысли не было, что с нашим сыном что-то не так, ну родился и родился, крепенький такой мальчишка, я вообще всю жизнь о наследнике мечтал... родился так хорошо, повезло прямо... мы за Гедду переживали, она же вон худущая какая, бедра

узкие, а Тимми у нас богатырь... Мы уже пробовали через портал пробраться, когда Гедда ребенка носила, нет, портал снова на нас на троих реагировал, ребенка в утробе не видел... Ничего, обошлось все... Мы даже и не думали, что с Тимми что-то не так будет, вот даже и мысли не было... Вот только когда он на нянечку рассердился, на зеркало посмотрел, оно на осколки разлетелось, вот тогда и спохватились, что сына не на этом свете зачали...

Я осторожно откашлялся:

– Вы поймите правильно, ну поговорю я с вашим мальчиком, может, послушается... только... Что дальше-то будет?

Алан изменился в лице:

– Вы... вы что имеете в виду?

– Ну... гхм... вот ваш сын... вы уверены, что он вообще...

– Что. Вы. Имеете. В. Виду?

Я хотел договорить – человек или не человек, но понял, что им страшно. Просто страшно. И что они сами прекрасно все понимают, но боятся...

– Ну, хорошо... – кивнул я, – давайте я с мальчиком поговорю...

Когда вошел Тимми, родители вышли в коридор, я остался наедине с мальчишкой. Тимми сразу же убрал телефон, уставился на меня выжидательно.

– Тимми... ну... ты же понимаешь...

– А чего он училке ножку у стула поломал?

– К-кто?

– Да Джим этот... он вообще то девчонку какую краской обольет, то еще чего...

– И ты его решил задушить?

– Ну... не совсем задушить, попугать так...

– Ну... а ты же понимаешь, что ты его совсем задушить мог?

– Не, ну чего вы, если бы я хотел, я и задушил бы... Не, я все понимаю, убивать нельзя... А я тарелку разбил, а я не хотел, чтобы ранило кого-то... не, я больше не буду, честно...

– Ну, ты же понимаешь, что вот так вот разозлишься на кого-нибудь и в пылу ярости...

– ...Да нет, чего вы, я ж не совсем того... Я и шторы поджег, смотрел, чтобы ничего больше не загорелось...

– Ну а дальше ты чего в жизни делать хочешь, еще не решил?

– Ну, папа меня потусторонщиком сделать хочет, чтобы династию продолжил...

– А ты сам?

– А я это... а я фильмы снимать хочу... а папа говорит, несерьезно это...

– А мама?

– А мама папе говорит, а пусть Тимми будет, кем хочет, ну фильмы же делать хочет, а не наркоман там какой, не алкаш...

– А почему вы не хотите, чтобы ваш сын в режиссеры подался, или в сценаристы, или еще там куда? – спросил я

у Алана.

– Да вы посмотрите, сколько ему лет? Вы себя в его возрасте помните? Вы кем хотели быть? Да он пока вырастет, он кем только стать не захочет... вот ближе к шестнадцати посмотрим, чего загадывать...

Через пару лет я снова увидел эту семью в кафе. Родители признались мне, что Тимми научился себя контролировать, Тимми даже показал мне, как заставляет салфетки подниматься в воздух и сворачиваться в оригами, которые машут крыльями. Вся семья казалась счастливой... или только казалась?

Когда я снова увидел в кабинете Алана и Гедду, мне стало не по себе: появление этой парочки сулило мне очередные проблемы.

– У нас Тимми пропал, – сразу, с места в карьер начал Алан.

– Так это...

– ...да ни хрена эта полиция не может, – словно читая мои мысли, добавил Алан, – приехали, протокол составили, фотографии Тимми везде разослали... мы уже и сами фотки везде развесили, толькодохлый номер это всё...

– Тогда зачем вы...

– Так вы у нас человек умный, не то, что полиция наша... в реке пошли искать, в какой, на хрен, реке, Тимми в воде

не тонет, не человек же, да как полиции скажешь, что не человек... Лес пошли прочесывать, я хренею с них, чтоб Тимми в лесу заблудился, это скорее небо на землю свалится... у него чутье какое-то, как у птиц, которые на юг летят, он стороны света чувствует... Так вот вы у нас башковитый, может, мозгами пораскинете, куда наш сорванец ухлестать мог?

– М-м-м... а так чем он интересуется вообще?

– Что, думаете на фестиваль на какой мультипликаторский? Разослали по школам, по фестивалям всяким приметы, глядишь, найдут... только здесь другое что-то...

– Друзья у него есть?

– Есть пара-тройка пацанов в поселке... тоже опросили их, тоже не знаю ни хрена...

– Не знают... или врут?

– Вот вы психолог, вы бы и разобрались, что ли...

Я почувствовал, как у меня сжимаются зубы в бессильной злобе: легенда, что психолог может сию минуту разрулить все проблемы, начинала меня бесить.

– В конце концов, есть детекторы лжи, – не выдержал я.

– Есть-то есть, только тут как-то сложнее все... а у вас голова куда надо каким надо концом вставлена, так что вы —то уж разберетесь...

– Ну... они могут прийти ко мне... друзья его?

Алан расхохотался:

– Ишь, какой вы умный... так они к вам и придут... Давайте-ка собирайтесь, поедемся до поселка, вы там погово-

рите со всеми, глядишь, чего и нащупаете...

Честно признаюсь, я опешил от такой наглости и осторожно напомнил, что в разгаре мой рабочий день, и меня за дверью ждут клиенты.

– Сколько за день получаете? – не сдавался Алан.

Я выглянул в коридор – на мое счастье, больше пациентов не оказалось, а то бы я уже не знал, как сражаться с Аланом, возомнившим себя властелином мира. Я назвал сумму, в три раза превышающую мой дневной заработок, Алан тут же пообещал мне вдвое больше названной суммы и велел собираться.

Я меньше всего представлял себе, что вообще собираюсь делать в поселке. Мне ничего не оставалось кроме как сидя в машине, обдумывать план действий. Я лихорадочно соображал, куда мог подеваться Тимми, перебирал всех знакомых этой странной семейки, и тут меня осенило:

– Э-э-э... а Энтони...

– А что Энтони? – Алан недовольно покосился на меня, напоминание о конкуренте ему не понравилось.

– Он жив?

– А вам какое дело? – встрепнулся Алан.

– Ну, если вы от меня помощи ждете, так я все знать должен.

– Энтони-то? Да черт его знает... пересекались пару раз...

– А... а Тимми знает, что вы там... втроем оказались, вы, Гедда и Энтони?

– Смеетесь, что ли, как ему такое рассказать... – фыркнул Алан.

– Ну, вот вы ему такого не говорил, а Гедда?

– Ну что вы, – Гедда смутилась, – зачем ему такое знать...

– А мог ему еще кто-то рассказать?

– Да кто же... – они возмущенно посмотрели на меня и осеклись, – думаете...

– А Энтони сейчас где?

– Энтони... да черт его знает... Энтони, Энтони... сейчас глянем... – Алан начал что-то выискивать в своем телефоне, кажется, больше всего он хотел, чтобы Энтони канул в Лету или вообще умер давным-давно, – вот... страничка его... домик он себе прикупил...

– Возле портала? – догадался я.

– Конечно...

– В вашем поселке?

– Не, в другом...

– А давайте к нему заглянем, – предложил я.

– Что, думаете, он Тимми увел?

– Да черт его знает... попытка не пытка...

Дом Энтони оказался не достроен, я уже было подумал, что там никто не живет, но мое внимание привлекла тень в окне верхнего этажа. Мне не хотелось идти в дом, какой-то суеверный ужасок сковал сердце, но что-то подсказывало мне, что мы на правильном пути.

– Тимми! – позвал я, входя в темноту.

Никто не откликнулся. Мы заспешили на верхний этаж, обходя свежеструганные доски и банки с краской. Тимми даже не пытался убежать от нас, хотя, как мне казалось, ему ничего не стоило сделать это. Я делал родителям отчаянные знаки, чтобы не набрасывались сию минуту на сына с упреками, но они, похоже, и так поняли, что не следует этого делать. Алан потрепал сына по плечу и повел к лестнице, Гедда шла за ними с отсутствующим видом, и тут я спохватился:

– А... Энтони? Энтони где?

Я ждал, что мне не ответят, но ни с того ни с сего Тимми буркнул:

– В портал ушел.

– С кем? – спросил Алан.

– Да ни с кем, просто ушел.

– Ему что... жить надоело? – Гедда поежилась.

– Я почему знаю, может, и надоело...

Алан поспешил к порталу, начал высчитывать, высматривать что-то не понятными мне приборами, но Тимми оборвал его:

– Он там мертвый.

– Кто?

– Энтони, кто.

– А ты откуда знаешь?

– Вижу я. Мертвый он там.

Алан сжал зубы:

– Ты мне скажи... на хрена он один туда поперся? Он как

возвращаться хотел?

– Я почему знаю...

Алан обернулся ко мне, как будто надеялся, что я подскажу разгадку:

– А... а может... он там найти кого-то хотел?

Алану никто не ответил.

– А я у вас был, помните? – спросил подросток лет двенадцати, заходя мне в кабинет.

– Ну, знаешь, если я буду помнить всех, кто у меня был, так и с ума сойти недолго, – признался я.

– Не узнали? – смутился подросток.

– Говорю тебе, если я всех помнить буду...

Подросток хотел было возмутиться, но вместо этого посмотрел на листок бумаги на столе – бумага поднялась в воздух и сложилась в причудливый цветок.

– Тимми, – я хлопнул себя по лбу, – конечно, помню...

– Ага, а я к вам пришел...

– Слушаю тебя.

Я отчаянно пытался представить себе, с чем ко мне мог прийти Тимми, но уже чувствовал, что правда окажется круче моих догадок.

– Понимаете... я вот в зеркалах вижу не то, что на самом деле... мне вот мое отражение подмигивает... рукой машет...

– Так-так...

– Скажете, ужасиков обчитался? Не, правда... страшно так... вот так зубы чистить иду, а отражение не шелохнется, или наоборот, к стеклу прижимается, будто что-то сказать мне хочет... а за ним там комната ванная, ну вот как у нас в доме комната, только... только другая.

– В смысле – другая?

– Ну, не знаю... не то, что там мебель не такая или кафель не такой, вроде все так... но что-то по-другому, я даже объяснить не могу...

– Так-так...

– Скажете, что я псих, да? Что мне лечиться надо?

– Да ничего я пока не скажу...

– А вчера ночью вообще трындец был, ну, серьезно... я ночью в туалет вышел, в зеркало глянул... а там я, но в то же время это не я... а нечисть какая-то... и комната в отражении сама на себя не похожа, жуть такая... и из углов жуть всякая лезет...

– А... с родителями ты говорил об этом?

– Говорил... ну они мне сказали что-то, что ну вот ты не такой, как все, вот бумагу сворачиваешь, шторы поджигашь, ну вот у тебя особенность такая, в зеркалах что-то видишь... Сказали, типа, не смотри в зеркала, и все...

– Так и сказали?

– Ну, так и сказали... только... знаете... это... они мне отвечают и глаза отводят... будто скрывают чего-то...

– Ну, знаешь... я так с ходу и предложить тебе ничего

не могу, чтобы в зеркалах ничего такого не видеть... Слушай, ты бы правда к психиатру ходил, ты не бойся ничего, это бред все, что тебя сразу в дурку упекут, на таблетки посадят... хоть энцефалограмму сделать, еще там чего... Ну куда деваться, если ты там родился...

– Где там? – Тимми так и подскочил на месте, – где там?

Я понял, что он ничего не знает, и что я приоткрыл завесу тайны, которую так тщательно оберегали его родители.

– Что со мной такое? – Тимми приблизился ко мне, как будто хотел задушить и меня тоже, – что? Со мной? Такое?

Стыдно сказать, но я поступился профессиональной этикой, я рассказал ему всё – насколько сам понимал происходящее. Правда, здорово приврал про то, что отец и мать Тимми давно любили друг друга, давно мечтали о ребенке, а тут такой случай подвернулся... Честно признаюсь, я боялся реакции Тимми, я ожидал чего угодно, но не того, что случилось – мальчишка просто подскочил и с криком – Я все понял, понял! – выбежал из кабинета.

Что-то подсказало мне, что мальчишка может натворить немало глупостей – а поэтому нужно что-то делать, здесь, сейчас, немедленно. Самое досадное, что у меня не было ни адреса, ни телефона странной семьи, никакой зацепки, хотя... я вспомнил, что они прикупили дом, расположенный рядом с порталом. Когда я начал наводить справки, где в нашем городе находится портал, на меня посматривали косо, но это были еще цветочки по сравнению с тем, как посмот-

рел на меня Алан, когда я появился на пороге их особняка.

Особняк оказался на краю леса в маленьком поселке, который был бы уютным, если бы не что-то неуловимое, мрачное, что незримо присутствовало, казалось, в самом воздухе. Должно быть, виной тому был портал, который располагался где-то в лесу за рекой, и сейчас был спрятан в тумане. В поселке в основном жили потусторонщики, поэтому дома отличались роскошью, но даже на фоне богатых особняков жилище моих клиентов выглядело настоящим дворцом. Я прошел через маленький парк и позвонил в дверь – мне открыли почти сразу же, на пороге стоял Алан, никак не ожидавший увидеть меня.

– Э-э-э... здасьте, – растерянно пробормотал он.

– Вечер добрый. Я тут проездом, решил проведать вас...

– А-а-а, п-пожалуйста, проходите... Как раз к ужину, где-то через полчаса на стол подадут... Индейка у нас сегодня...

Мы с хозяином прошли в просторный холл с камином, и я невольно спросил себя, а не в этом ли холле тринадцать лет назад сидели три человека, готовые убить друг друга, делали вид, что все хорошо, писали имена на бумажках, складывали в сахарницу...

– Нет, не здесь, это в гостиной напротив было, – будто читая мои мысли, ответил Алан, – у нас там до сих пор сахарница эта стоит... на память...

– А Тимми дома? – осторожно спросил я.

– Ага, дома. Чего-то он не в себе сегодня, ну да с ними это бывает... чего-то у него там, на курсах сценаристов не заладилось...

Я осторожно задал вопрос, который волновал меня уже давно:

– А... можно узнать... а как родился Тимми?

– Да говорю же вам, крепыш...

– ...нет, вообще... как оно было...

– Ой, не знаю я...

– В смысле... не знаете? – мне стало не по себе, – там же никого кроме вас троих не было, так? Так я думал, вы оба рядом с Геддой были, когда...

– Да то-то и оно, что нет. Вы про нас плохо не думайте, мы сначала так и решили, когда все это дело начнется, Гедду не оставим, чем можем, поможем, мы книжки читали про это дело, как оно там все... Больницу в поселке видели? Вот тоже все решили, где-нибудь за недельку в больницу все переберемся, вы не думайте, мы уж как могли, перестраховались, Энтони вообще выдумал, хотел ногу себе разрезать, глубоко так, чтобы я на нем попрактиковался раны там зашивать... я говорю, ты брось дурить, еще тебя потом хоронить не хватало... А у Гедды на две недели раньше всё началось. Мы как раз с Энтони вылазку в город устроили, Гедда клялась и божилась, что все хорошо будет... А тут оно вон как получилось... Мы под вечер вернулись, я к Гедде захожу, она спит, рядом Тимми маленький... у меня честное слово, вся

жизнь перед глазами... Ну повезло, что сказать, повезло... Мы тогда из портала выбрались, Гедду сразу в больницу, там сказали, а все хорошо, через пару дней выписали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.